

«Свои долги и место в том строю»

АХ, КАКИЕ ПЕСНИ пели у нас в Крещенковке! Правда, в детстве нам многое видится иным: и солнце, и травы... Но детство проходит — и привыкаем к дождям и асфальту. Становится не до песен. Может быть, потому, что не у всех они были в судьбе настоящие? А вот у Павла Громошенко были. И он хорошо их помнит, хотя рано закончилась для него та пора, которую принято считать беззаботной. Ушел в 41-м на фронт отец, а в 45-м, прямо в поле, подорвавшись на немецкой бомбе, погибла мать. Из детдома в детдом, из города в город понесло его. Кто знает, что бы стало с ним, если бы не те песни, не память о родных местах и близких людях.

Работал грузчиком, слесарем, электросварщиком. А вечером отправлялся в заводской дом культуры, в народный самодеятельный ТЮЗ. Ставили «Финиста — Ясного сокола». Там, в Орске, появилась тайная мысль о том, чтобы жизнь связать с театром.

Следующий спектакль он предложил сам. Исполнялось 100 лет со дня смерти Т. Г. Шевченка. В Орске, где поэт отбывал ссылку, собирались открыть ему памятник. А что, если поставить что-нибудь из

его произведений? «Назара Стодолю!» Да на украинском языке, да с вечерницами, чтобы все — как если было бы на Украине. Павел сам взялся учить артистов языку. Что до песен — обратились в Киев, в хоровое общество и оттуда прислали все, что нужно. Да еще и Валерий Петрович Гаккебуш приехал, помог довести постановку. Желание стать профессиональным актером окрепло. Только куда ехать, где поступать в институт? Конечно же, на Украину.

Это был шаг по пути, который вел его к самому себе — профессионалу и человеку. Нелегким оказался этот путь. Но Павел Федорович пробивался по нему, упорно отставив та позицию в искусстве, которые считал правильными. А считал он своей актерской задачей — пробуждать в людях чувство достоинства. Ни много ни мало.

Восемь лет Громошенко проработал в Киевском драматическом театре имени Ивана Франко. Но не изменяя своему еще юношескому увлечению, принимал участие в конкурсах чтецов. И вот — очередной. Звание дипломанта стало ему наградой за «Ивана Вишневского». И он решил оставить театр.

Новая работа обещала большую свободу в выборе репер-

туара. И хотя на деле оказалось все не так просто, Павел Федорович никогда не жалел о принятом решении. Единственными ему стали Шукшин, Айтматов, Гамзатов, Гончар, Солоухин, Олейник, а еще Шекспир, Данте... Складывались интересные программы. Но... в 1976 году сложился «Венок сонетов», а премьера состоялась через семь лет. С тех пор ее в Киеве слышали всего пять раз. Из них в филармонии — три, хотя рассчитана она именно на Колонный зал. «Венок сонетов» представляет собой диалог музыки и поэзии, прекрасно дополняющих друг друга. Им нужна соответствующая обстановка. Но два последних выступления Громошенко состоялись в бывших помещениях Кирилловской и Андреевской церквей. Сонет в церкви — не правда ли, прекрасно? Но спросите чтеца, как готовился он к концерту. А от имени зрителей я скажу, с каким трудом, несмотря на все старания артиста, воспринималась программа. В Кирилловской церкви, где прекрасно воспринимается музыка, у поэзии... горло перехватывает. Но мог ли Громошенко отказаться от «площадки», если представлялась возможность исполнить «Венок» всего четвертый раз? За пять лет!

Так случилось, что примерно в те же дни в филармонии выступала приезжая знаменитость. Своему пришлось потесниться...

И что знают киевляне о Громошенко, если он так мало выступает в родном городе? Лишь накануне концерта «Козацькому роду нема переводу» появились мало что говорящие афиши. А ведь это премьера. Хотя программа подготовлена в 1980, а принята годом позже, в Киеве ее не слышали.

Когда мы встречались с Павлом Федоровичем после концерта в Кирилловской церкви, он сказал, что, если бы писал стихи (он тогда не признался, что их пишет), то, как Борис Олейник, в том смысле, что ему очень близко мировосприятие этого поэта. Поэтому я не удивилась, услышав строки из «Истины» Олейника, прозвучавшие эпиграфом к программе.

Легенда и был переплелась в программе «Козацькому роду нема переводу». И тем более остро ощущалась потребность автора осознать себя побегом от древа, уходящего корнями глубоко в родную землю. Был ли на свете ильченковский Омелья Глек, не было ли его — кто знает. Но если бы не было его или кого-нибудь, на него

похожего, откуда бы взяться Ивану Голоте, Остапу Бульбе? А Сергею Королеву?

Оттуда, из самых недр истории — и характеры, и таланты. Любовь к родной земле, гордость за людей, ею рожденных, горечь за то, что все меньше становится знатоков ее истории, вели Павла Громошенко тропкою исследования. И теперь эти его чувства нашли искренний отклик в аудитории, собравшейся в Колонном зале филармонии на премьеру. Гром аплодисментов, цветы, просьбы почитать собственные стихи были тому подтверждением.

Одно огорчало — немногочисленность аудитории. А ведь сколько людей могли бы разделить с присутствовавшими праздник, если бы мы лучше пропагандировали наше искусство.

«Венок сонетов», «И более всего любовь к родному краю», «Остановить смеющегося тигра»... На какой бы из концертов заслуженного артиста УССР Павла Громошенко вы ни пришли, вам наградой будет встреча с личностью неординарной, с человеком, который чувствует себя должником Вселенной и этим счастлив, ибо:

Це щастя — мати у
Вселенським домі свої борги
І місце у строю...

М. ДЯТЛОВА.